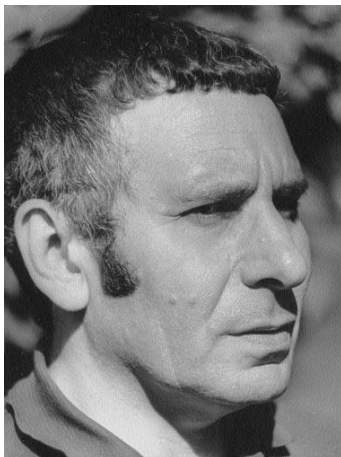

ВЛАДИМИР БОГОМОЛОВ

“ТАМ, НА ЧУКОТКЕ...”

ГЛАВЫ ИЗ ЧЕТВЕРТОЙ КНИГИ РОМАНА
“ЖИЗНЬ МОЯ, ИЛЬ ТЫ ПРИСНИЛАСЬ МНЕ?..”

НА КРАЮ СВЕТА

1. ИЗ ИСТОРИЧЕСКОГО ФОРМУЛЯРА

Решением Ставки ВГК от 4 сентября 1945 года 2-й Дальневосточный фронт расформирован и на его базе создан Дальневосточный военный округ. Командующим ДВВО назначен генерал армии Пуркаев.

Директивой ВС ДВВО на основании приказа т. Сталина и Постановления СНК СССР № 2358 от 14 сентября 1945 года 126-му легкому горнострелковому Краснознаменному ордена Богдана Хмельницкого корпусу определена задача: создать на крайнем северо-востоке страны — полуострове Чукотка — оборонительные форпосты, прикрыть основные морские базы на побережье Анадырского залива и бухты Провидения и обеспечить с суши их противодесантную оборону.

Личный состав частей и подразделений корпуса численностью 10000 человек вместе с матчастью, транспортом, запасами продовольствия, топлива и стройматериалов на 14 крупнотоннажных судах убыли из Владивостокского порта на Чукотский полуостров и к концу навигации выгрузились в Анадырском порту и бухте Провидения.

Продолжение. Начало в №№ 6–12 за 2008 год.

С момента прибытия на Чукотку личный состав частей и соединений корпуса в тяжелых климатических условиях рано начавшейся зимы с сильными морозами и пургами хорошо справился со всеми поставленными задачами: обустроился на зимовку, полностью обеспечив свою жизнедеятельность и функционирование всех видов материально-технических служб, создал в кратчайшие сроки оборонительные районы на побережье Анадырского залива и в бухте Провидения и приступил к несению службы.

Все части и соединения корпуса боеспособны и готовы выполнить любое задание Партии, Правительства и лично товарища Сталина.

2. И БЫЛО ТАК, КАК БЫЛО

Если бы человек мог знать свою судьбу! Я не знал и не предполагал, мне даже в голову не могло прийти, что тогда, в июне сорок пятого, в самые славные недели моей жизни, наступит мой черед, настанет день, вернее ночь и час, и судьба моя резко изменится — колесо истории пройдет по мне всей своей тяжестью, и я вместе с Володькой и Мишутой добровольно поеду из Южной Германии на Дальний Восток навстречу неведомому, все еще не ощущая того рокового, что ждало меня за крутым поворотом.

Там, на Дальнем Востоке, ценой жизни самых дорогих мне друзей — Володьки и Мишуты, — мы поставим на колени империалистическую Японию, а мою судьбу определят в отделе кадров Дальневосточного округа.

Позднее, осмысливая случившееся, ругая себя и многожды возвращаясь к ключевому моменту — моменту принятия решения там, в кригере, — я пытался понять, почему жизнь в очередной раз так жестоко и несправедливо вмешалась в мою судьбу: вместо того, чтобы отправиться в Москву на учебу в академию имени Фрунзе, я оказался на другом конце света — у черта на куличках.

Там, в кригере, мои убеждения, совесть и честь офицера не позволили мне отказаться от назначения, а однорукий подполковник, воспользовавшись моей неосведомленностью, обыграл, обманул меня, недоумка, и вместо гвардейского стрелкового корпуса я с медицинским заключением “Годен к строевой службе без ограничений” загребел в горно-стрелковый корпус, а точнее, в 56-ю горно-стрелковую бригаду, в которой, как убеждал меня подполковник, “служить — высокая честь”, и я должен “гордиться и благодарить судьбу за представленную возможность до конца с честью выполнить свой воинский долг в мирное время”.

Самое худшее опасение свершилось: моим краем света оказалась Чукотка, которая, по рассказам бывалых офицеров, из всех мест — Сахалина, Камчатки и даже Курильских островов — была самым гибельным.

О Чукотке рассказывали легенду, что будто бы Господь Бог, сотворив белого медведя и моржа, увидел, что сделал что-то не то, испугался и поэтому ничего больше создавать не стал, оставив эту землю им в первозданной дикости; расписывали все ужасы дьявольского климата, пугали метелями и пургами, во время которых даже белые медведицы зарываются в снег, не позволяя медвежатам нос высунуть из укрытия, сильными морозами, которые убивают вернее пули.

Вообще-то я зиму любил, холода не боялся, хорошо ходил на лыжах и поэтому многие рассказы расценил как детские страшилки. Как всегда в критические моменты жизни, я пытался овладеть ситуацией, повторяя про себя: — Аллес нормалес!.. Прорвемся!.. Не медведям же там служить, тем более обеспечивать и укреплять обороноспособность страны!

Как я потом убедился, реальность оказалась намного страшнее. Там, на Чукотке, я, может, впервые познал, почем фунт лиха.

В середине октября пароход “Балхаш”, последний из грузовых десяти-тысячников, отправившихся на Чукотку из Владивостока, изрядно потрепанный штормами, бросил якорь в Анадырском лимане — кусочке моря в плену бесконечного ряда голых безжизненных сопок с крутыми вершинами, отточенными жесткими морскими ветрами, и выветренных камней — кекуров.

Части бригады, транспорт, оборудование, топливо и грузы с расчетом до следующей навигации — сюда везли все, кроме воды — высадились и разгрузились на пустынном берегу: клочке каменистой земли, где, казалось, со времени открытия ее русскими землепроходцами за три века больше не ступала нога человека.

Над головой мглистое серое небо и на сотни километров до самого горизонта — ни деревца, ни кустика, ни даже пожухлой травинки!

Надо было привыкать к темноте, надо было привыкать к ежедневной изнурительной работе невзирая на погоду: в кирзовых рукавицах, натирая кровавые мозоли, кайлить под толстым слоем льда землю, вгрызаясь в грунт, вбивать сваи, ставить палатки, рыть ямы, котлованы, землянки, чтобы укрыться, заползти, залезть в любую щель до наступления метелей и морозов.

Надо было привыкать к здешнему климату. Зима в 1945 году пришла рано. Начались несусветные пурги: видимости никакой, кругом молочная беснующаяся мгла, острые струи снега бьют, хлещут по глазам, лицу, проникают во все щелки одежды, карманы, обувь. Порывы колотуна-хиуса — самого злого ветра Северного полюса — сбивают с ног: барахтаешься в снегу и все глубже увязаяешь в обволакивающей массе, ветер захлестывает дыхание, лепит в глаза. Пурги разыгрываются неожиданно: еще час тому назад небо было безоблачным, лишь где-то у самого горизонта ворошилась одинокая серая тучка, да ветер несмело тянул легкую поземку. И вот полная кутерьма, не видно ни зги, исчезает грань между землей и небом.

Во время пург теряется счет времени, все уползают в свои норы, а каждый день начинается занятиями с личным составом: как вести себя во время пурги. На всю жизнь запомнил некоторые из наставлений и практических советов: “Тундра боится сильных, а пурга — не боится”, “Не бойся пурги: если она тебя застала в тундре — вырой ямку, ложись и заройся в снег, экономь энергию, пережди и не паникуй”, “Опасайся отстать от группы и остаться в тундре в одиночку”, “Стал замерзать — иди быстрее”.

Надо было привыкать к тесноте и отсутствию элементарных бытовых удобств. В эту первую зиму даже старшие офицеры жили в норах-землянках и палатках совместно с бойцами и в мороз и пургу отправляли естественные нужды, не выходя из них.

Но к холоду привыкнуть было невозможно. В жестокие морозы пар от дыхания мгновенно замерзал, превращаясь в кристаллики льда, которые забивали нос, рот, затрудняя дыхание и образуя вокруг головы диковинный шуршащий шар: сталкиваясь друг с другом, они производили легкий шорох — бойцы прозвали его “шёпотом звезд”.

Даже металл и тот не выдерживал сильных морозов, становясь хрупким и ломким, а наша славная боевая и транспортная техника с надписями на бортах “Мы были в Варшаве, в Берлине, в Харбине”, “Мы славяне, и мы победим!”, продрогная, бесполезно покоилась, ржавела и гнила под трехметровым слоем снега¹.

Из-за стражайшей экономии угля мы и в своих укрытиях страдали от холода: спали не раздеваясь, тесно прижавшись, согревая друг друга остатками тепла своих тел; железная печурка остывала через час после топки, и температура в землянках, и особенно в палатках, ночью не превышала пяти градусов. Мерзли так, что просыпались от стука собственных зубов. Пар от дыхания в виде инея покрывал стены палатки, оседал на одежде, лице, и поутру, с трудом разлепив глаза, бойцы шутили:

— Если иней на подушке, значит — пора менять белье!

В нашей монотонной жизни на Чукотке было всего два праздника: когда впервые появлялось солнце, предвещающая окончание полярной ночи, и начало навигации — приход первых кораблей.

Как выяснилось впоследствии, нас на Чукотке ждали не только бытовые и климатические трудности, нас подстерегали мучения и другого рода.

¹ Неверно. Консервация боевой техники и транспортных машин в бригаде была проведена в точном соответствии с директивой ДВВО № 273 от 19 сентября 1945 года с осуществлением всех антикоррозийных мер и постановкой машин на колодки и укрытием крепленными брезентами в снеговых аппаратах-капонирах. Так что “гнила и ржавела” — на совести Федотова (*прим. автора*).

3. ИЗ ЖУРНАЛА БОЕВЫХ ДЕЙСТВИЙ 56-й ОТДЕЛЬНОЙ ГОРНО-СТРЕЛКОВОЙ КРАСНОЗНАМЕННОЙ ОРДЕНОВ АЛЕКСАНДРА НЕВСКОГО И КРАСНОЙ ЗВЕЗДЫ БРИГАДЫ

3.9.45 г. — Личный состав бригады с матчастью, автотранспортом, сдав весь конский состав, за исключением 22 лошадей, погрузился на ст. Сысоевка в 4 железнодорожные эшелона и, совершив переезд, прибыл на ст. Владивосток.

7—12.9.45 г. — Бригада производила погрузку на пароходы “Вторая пятилетка”, “Жан Жорес” и “Ломоносов”.

...Вместо полковника Купцова командиром бригады назначен полковник Фомин.

13.9.45 г. — В 5.00 пароходы вышли в море.

19.9.45 г. — Прибыли в Петропавловск-на-Камчатке. Пройдена половина пути — 2470 км. Запаслись пресной водой.

21.9.45 г. — Вышли из Авачинской бухты.

27.9.45 г. — По причине большого тумана весь день и ночь суда простояли на рейде без попытки пройти через песчаную косу в Анадырский пролив.

28.9.45 г. — Снялись с рейда и в 10.00 вошли в Анадырский пролив... пароход “Ломоносов” — с тараном о грунт (5 раз)... В 13.00 началась разгрузка... Доставка личного состава на берег производилась при помощи десантных барж, в каждую из которых входило по 100 человек... затем началась разгрузка скота, машин и имущества... Бригада высадилась на голое, необжитое место.

29.9.45 г. — Перед личным составом поставлена задача ускоренными темпами закончить сосредоточение личного, конского составов и грузов в районе шахты Угольная... Весь личный состав частей бригады занят на разгрузке пароходов... строительстве... устройстве землянок. Работы ведутся непрерывно, круглые сутки, чтобы успеть до снеговых заносов и полярной пурги. За короткую навигацию доставлено на берег 60657 тонн разных грузов.

1—5.10.45 г. — Части бригады полностью сосредоточились в районе пос. Угольные Копи... Группу по разгрузке леса с кораблей и доставке его на берег возглавил капитан Миронов. Лес приходилось вытаскивать из лимана голыми руками... Высушить обмундирование и обувь было негде... обогревались у костра... До замерзания лимана весь лес был вытасчен из воды... Из-за отсутствия дорог и недостатка транспорта лес и лесоматериалы доставляли на своих плечах и волоком к лесопилке на расстояние 4—5 км. Перенесено более 6000 кубометров леса и строительных материалов.

7.10.45 г. — Личный состав полностью занят на строительстве жилых помещений... Подъем производится в 4.00 по местному времени; работы начинаются в 6.00; отбой — в 21.00.

10.10.45 г. — Ежедневно выделяется по 30 человек и по две автомашины для подвозки шлака и гравия для строительства дороги... Решено использовать узкоколейную железную дорогу, соединяющую причал с шахтой “Угольная”.

13.10.45 г. — Команда в количестве 150 человек выбыла на косу Саламатова для разгрузки угля с парохода “Новосибирск”, получившего пробоину и севшего на мель... Положение усугубляется отсутствием топлива. Для спасения жизни личного состава в связи с наступившими холодами начаты поиски в тундре залежей угля... Созданы поисковые бригады... Источники угля обнаружены на расстоянии 25 км... Доставка проводится ручным способом — в вещмешках по 35—40 кг.

15.10.45 г. — Связь с корпусом поддерживается только по радиации “Водо-радио”, плавающий лед в Анадырском заливе не дает возможности сообщаться с противоположным берегом ни на баржах, ни на катерах... Полученная первая почта почти за два с лишним месяца.

16—20.10.45 г. — Бригада на 3 кораблях — “Совзаплес”, “Джурма”, “Таганрог” — передислоцирована из Анадыря в район бухты Провидения,

пос. Урелик... Перед погрузкой на корабли в Анадыре произведена мобилизация военнотружущих с 1906 по 1915 гг. рождения на основании Указа Президиума Верховного Совета СССР от 23 июня 1945 г. и на основании заключения военной врачебной комиссии. Получено пополнение в количестве 1300 человек, в основном 1925—27 гг. рождения призыва 1945 года, не принимавшее участия в боях.

21—25.10.45 г. — Производили разгрузку кораблей на берег. За 15 дней октября выгружено 12 кораблей. Личный состав устроен в палатки... полотняные, частично износившиеся и прогнившие... Бойцы и офицеры спят, не раздеваясь... в палатках не намного теплее, чем вне ее. Годных к жилью землянок 59 штук, обеспечивают укрытие до 50% личного состава...

...В батальоне автоматчиков умерли от переохлаждения 4 чел.; в саперном — двое, во 2-м батальоне — одно тяжелое увечье, полученное при разгрузке; в разведроте — хулиганство, трое привлечены к дисциплинарной ответственности, осужден судом ВТ — один: сержант Городецкий из 3-го батальона, член ВЛКСМ, будучи начальником караула, организовал растранивание этиленгликоля, организовал пьянку, в результате чего было отправлено 8 человек.

...Имели место пожары: в батальоне автоматчиков сгорел штаб, в артдивизионе — палатка-пищеблок. Жертв не было.

28.10.45 г. — Ввиду передислокации бригады из Анадыря, где личный состав значительное время был занят на разгрузке пароходов, хозяйственных работах и обустройстве, не было возможности организовать с личным составом регулярную боевую подготовку... на новом месте для каждой части сразу же определены учебные поля и намечены стрельбы.

...Вышел первый номер бригадной газеты “Знамя Победы”.

...Постоянные дожди со снегом, шквальный ветер... весь личный состав не покладая рук трудится по созданию мест для жилья.

...Для окончания работ недостает лесоматериалов... баржи с лесом прибывают очень редко... в октябре прибыло всего 3 баржи.

30.10—30.11. 45 г. — За месяц построено: 115 жилых землянок, размером 11х5 м, для их укрепления заготовлено 280 м³ дерна; жилых казарм размером 29х11,4 м — 10; установлены 23 больших гессеновских и 20 — малых палаток. Стены казарм и землянок засыпаны опилками и снаружи обвалованы снегом... крыши за недостатком пиломатериалов покрыты брезентом... В промерзшем грунте открыто 11 котлованов размером 11х5 метров...

...Электричество от движка подается в штаб бригады, медсанроту и госпиталь только на 3 часа в сутки, в остальное время — освещение керосиновыми коптилками... идет строительство электростанции из дикого камня.

...По побережью заканчивается строительство дороги вокруг бухты Эмма до поселка Урелик шириной 6 м и общим протяжением 8 км.

...После подрыва шахты “Угольная” круглосуточно в 3 смены работает 70 человек. Суточная добыча угля составляет 120—130 тонн за три смены. ...положение с обеспечением топлива критическое...

22.11.45 г. — Ночью была пурга... от угарного газа умерло 5 человек... дежурный по дивизиону мл. л-т Тарасов был найден спящим на посту. Приказом командира он отстранен от должности и предан суду Военного трибунала.

27.11.45 г. — Начался прием зачетов у офицерского состава по знанию Уставов Красной Армии. С 1.12.45 г. начинается плановая боевая и политическая подготовка личного состава.

5.12.45 г. — День Сталинской Конституции. Проводились лыжные соревнования.

25.12.45 г. — Запасы угля на исходе... Введен режим строжайшей экономии топлива.

4. ДОКУМЕНТЫ

ШИФРОТЕЛЕГРАММА

Владивосток, Штаб ДВВО

Подана 12.10.45 г.

Молния!
9.00

В связи с крушением углевоза “Новосибирск” надлежит обеспечить добычу угля на угольной шахте силами личного состава. Заготовить и заложить на хранение в бухте Провидения 7600 тонн угля. Произвести подрыв угля, находящегося на складе шахты. О заготовке и добыче угля доносить ежедневно. Ввести строжайший учет и охрану заготовленного угля. Категорически запретить вынос угля из шахты одиночными бойцами и группами. Организовать бригады и разведгруппы по поиску в тундре дополнительных источников топлива.

Командующий ДВВО
генерал армии

Пуркаев

ПРИКАЗ

16.10.45 г.

Штаб бригады пос.

Угольные Копи

О порядке выдачи и потребления спирта

В целях недопущения чрезвычайных происшествий и аморальных явлений
ПРИКАЗЫВАЮ:

Под личную ответственность командиров частей и подразделений установить следующий порядок выдачи и приема спирта:

1. Выдачу и прием спирта производить только во время обеда.
2. Раздачу спирта производить лично старшинами рот и помощниками командиров отдельных взводов строго по ежедневной ведомости и персонально каждому сержанту и бойцу.
3. Категорически запретить передачу положенной нормы спирта друг другу или оставление его для употребления в другое время.
4. Лиц, отказавшихся принимать спирт, учесть, и список хранить в штабах и по указанию заместителя по тылу выдавать им взамен другие продукты.
6. Лиц, виновных в нарушении настоящего приказа, лишать водочного довольствия сроком на 30 дней.

Приказ довести до всего личного состава.

Командир 56 ОГСБр
полковник

Фомин

ПРИКАЗАНИЕ

20.10.45 г.

Штаб бригады

пос. Угольные Копи

О порядке топки печей и мерах противопожарной безопасности

В соответствии с приказанием штаба корпуса №... от 13.10.45 г.:

1. Топку печей в жилых помещениях производить только в дневное время с 5.00 до 7.00 и с 18.00 до 20.00.

Временно разрешить подтопку печи с 22.00 до 24.00 только в наиболее холодные дни при температуре ниже минус 40°С.

2. Норма выдачи угля строго по весу, на печь любого размера — 10 кг, очаг — 60 кг. Уголь отпускать со склада по утвержденному списку и под расписку ответственного лица один раз в неделю.

...4. В целях противопожарной безопасности помощникам командиров частей по МТО² взять на строгий учет все печи в землянках и палатках. Назначить постоянных истопников — по одному на каждую печь.

Категорически запретить топку печей другими лицами и оставление топящихся печей без присмотра.

...6. Персональную ответственность за экономию топлива, жесткий контроль, охрану и порядок выдачи угля возложить на командиров частей и спецподразделений.

Нач. штаба

ПРИКАЗАНИЕ

24.10.45 г.

Штаб бригады пос.

Угольные Копи

О мероприятиях на случай сильного снегопада или пурги

С наступлением холодов ожидаются снегопады с пургой.

В целях предотвращения потерь личного состава командир бригады

ПРИКАЗАЛ:

...2. Команды, посылаемые для выполнения служебных заданий на удаление от расположения части от 1 и более километров, снабжать ракетницами и ракетами, иметь при себе достаточный запас сухого спирта.

3. В случае обнаружения отсутствия во время пурги кого-нибудь из личного состава немедленно об этом сигнализировать: на территории расположения части — ручными сиренами и частыми ударами в гильзу; при удалении от расположения части — сериями зеленых ракет днем, белых ракет — ночью, через каждые 30 минут. Установленные сигналы разъяснить и довести до сведения всему личному составу.

...5. В период пурги и морозов, превышающих 40°, направлять на любые виды работ только по личному приказу командира бригады. Выходить из помещений на период пурги категорически запретить, кроме нарядов по несению караульной службы.

Нач. штаба

ШИФРОТЕЛЕГРАММА

10.11.45 г.

Штаб бригады

пос. Угольные Копи

В связи с недостатком воды в колодце и расположении частей приступить к заготовке льда. С 11.11 по 25.11 каждая часть должна иметь полную потребность льда на 2,5—3 месяца. Лед заготавливать в протоках ручьев в конце бухты Эмма, складывать в штабеля не менее 15—20 кубометров с таким расчетом, чтобы на доставку его не затрачивать дополнительные усилия для расчистки дороги.

Нач. штаба

ПОЛИТДОНЕСЕНИЕ

В связи с тем, что запрещено отопление палаток и землянок в ночное время, землянки и палатки сильно промерзают и во время отопления получается сырость, в результате чего в частях имеются массовые случаи заболеваний.

С 15 по 27 ноября с. г. только в одном батальоне зарегистрировано 27 случаев заболевания гриппом, 16 случаев с острым заболеванием дыхательных органов, 12 — ангиной и 19 — фурункулезом.

² МТО — материально-техническое обеспечение.

В артдивизионе, роте связи, разведроте, саперной роте и санроте землянки и палатки освещаются электричеством, а в остальных — керосиновыми копилками круглыми сутками, отчего у личного состава начались глазные заболевания.

Весь личный состав полностью экипирован в зимнее обмундирование: ботинки, валенки, шинель; 70% имеют ватные фуфайки, шубы выдаются только для нарядов.

В качестве постелей используется 1 спальный мешок на 4 человека или один японский матрасик для одного человека. Кроме того, каждый имеет 2 простыни, 2 наволочки и 1 одеяло.

Питание личного состава хорошее, большинство продуктов — концентраты. Пища в горячем виде выдается личному составу 3 раза в день: она обильная, жирная и питательная, но многие военнослужащие мало и плохо едят. В бригаде по поводу питания некоторые из офицеров высказывали недовольство. Командир 1-го ГСБ-на ст. л-т Егоров в столовой громко заявил:

— Гвардии тушенка... и борщ с тушенкой... От этих витаминов никто, правда, еще не умер... но я устал! Устал от этих витаминов! Хоть бы сообразили чего-нибудь...

В бригаде совершенно нет свежего картофеля, квашеной капусты, овощей, чеснока. Мало свежего мяса и рыбы, которые бы улучшили качество пищи.

Хоть имеется разрешение на приобретение у чукчей оленьего мяса и рыбы, ассигнования не спущены и заготовки фактически не проводятся.

Особую остроту приобрела проблема пресной воды: весь личный состав (в быту, на пищеблоке) употребляет воду из перетопленного снега. Снеговая вода крайне недоброкачественна, изобилует разными нечистотами, и в ней отсутствуют необходимые соли. Только 30% общего расхода воды используется для хозяйственных нужд. В связи с этим личный состав бригады не может регулярно мыться в бане, а ограничивается прожариванием одежды в дезпалатках.

У отдельных лиц замечено появление вшей.

Начальник политотдела
майор

Попов

СПЕЦДОНЕСЕНИЕ

Военному прокурору ДВВО

О чрезвычайных происшествиях

1.11.45 г. в 9.30 команда в 5 человек 2-го отдельного стрелкового батальона была послана за дровами на сопку. При спуске под углом 40° нагруженные дровами сани сильно разогнались, и мл. сержант Першин (старший команды), не желая отпустить сани, придерживал их сзади, бежал за ними. С большого разгона сани врезались в траншею и мл. сержант Першин с такой же силой наткнулся на задние концы дров и разбил печень. Першин немедленно был доставлен в медсанбат, но от сильного кровоизлияния умер.

10.11.45 г. двое военнослужащих из 4-го отд. стр. батальона ст. сержант Молчанов и мл. сержант Пилипок были посланы на заготовку дерна на расстоянии 11—12 км от части. В 14.00 внезапно разыгралась буря с обильным снегопадом. Сильный ветер сбил их с дороги и снес в разные стороны. Сила ветра была столь сильна, что разорвала на них гимнастерки и нательное белье. Ввиду сильного бурана поиск был организован только 12.11.45 г., ст. сержант Молчанов и мл. сержант Пилипок обнаружены замерзшими на расстоянии в 1,5 км друг от друга.

14.11.45 г. в 7.00 команда в составе 95 человек была послана на шахту Угольная за углем. Старший команды — зам. по строевой части командира 1-го стрелкового батальона майор Фролов, его помощник — комсорг батальона л-т Балуев. На обратном пути команду застигла пурга с облачностью

в 10 баллов и со скоростью ветра 26 м/секунду, с мокрым снегопадом, в результате чего от команды, двигавшейся в колонне по одному, отстало 10 человек, из которых 3 погибли от замерзания.

Мл. сержант Почурко найден 14.11.45 г. в 24.00 в районе 2-го контрольного поста связи в 2,5—3 км от расположения своей части. 15.11.45 г. найдены сержант Антоненко в 12.00 в 12—13 км от расположения своей части; красноармеец Петрук в 18.00 в районе 3-го горно-стрелкового батальона.

В ночь с 21 на 22 ноября 1945 г. в минометном дивизионе бригады погибли 5 военнослужащих. Во время пурги занесло палатку-шестиклинку отделения боевого питания, в которой находились старшина Самигулин, мл. сержант Тулин, мл. сержант Морев, ефрейтор Сазонов и кр-ец Язвцов.

Палатка была накрыта двухметровым слоем снега, который закупорил печную трубу. Дневальный и истопник ефрейтор Сазонов, по-видимому, заснул и о полном заносе палатки своему командиру старшине Самигулину не доложил, поэтому не заметил, как дым и угарный газ наполнили маленькую палатку.

Разводящий мл. сержант Дудин, делая обход, увидел, что палатку боепитания занесло и остался только конец трубы длиной 25—30 сантиметров, о чем доложил дежурному по дивизиону мл. л-ту Тарасову. При повторном обходе в 2.00 мл. сержант Дудин палатки вовсе не обнаружил и вместо принятия с разводом энергичных мер вновь ограничился докладом об обнаруженном дежурному по дивизиону мл. л-ту Тарасову, который продолжал спать.

Раскапывать палатку начали после пурги — все пятеро военнослужащих уже были мертвы. Отравление произошло угарным газом в результате преступной беспечности несения службы дневального ефрейтора Сазонова и неприятия своевременных мер во время пурги дежурным по дивизиону мл. л-том Тарасовым.

Решением ВТ бригады младший лейтенант Тарасов Федор Васильевич, 1925 года рождения, русский, холостой, из рабочих, член ВКП(б), образование 7 классов, уроженец дер. Останкино Борского района Горьковской области, исключен из рядов ВКП(б), лишен воинского звания младший лейтенант и приговорен к лишению свободы на 8 лет с отбыванием срока в исправительно-трудовых лагерях.

25 ноября с. г. на конюшне пала лошадь под кличкой “Север”, прижизненный и посмертный диагноз “метеоризм кишечника”. Причиной падежа явилось отсутствие сена и комбикорма, поэтому кормление лошадей производится овсом, а в качестве грубого корма используются мешки из рисовой муки.

27 ноября в 5 часов утра с конюшни убежала лошадь чалой масти под кличкой “Ночка” и утонула в заливе, чем нанесен ущерб государству в сумме 1200 рублей. Приказом командира бригады за плохую организацию по уходу и охране лошадей удержано с командира взвода ст. л-та Захарченко, командира автороты техника л-та Опрятного и нач. ветеринарной службы капитана Католик по 400 рублей с каждого.

Военный прокурор бригады
капитан юстиции

Пантелеев

ПРИКАЗ

27.11.45 г.

Штаб бригады пос.

Угольные Копи

О мерах по предупреждению чрезвычайных происшествий

Суровые условия климата крайнего северо-востока налагают на нас новые обязанности:

В целях сохранения личного состава, недопущения чрезвычайных происшествий, приводящих к гибели от обморожения, дезориентации, замерзания, угара, пожаров и других несчастных случаев

ПРИКАЗЫВАЮ:

...3. Начальнику химической службы бригады организовать бригадный пост метеонаблюдений и о прогнозе погоды сообщать во все части и подразделения с вечера на следующие сутки.

Установить следующие сигналы-сирены оповещения: пожар — частые гудки; пурга — редкие гудки и дублировать их по радио и телефону.

Для ориентации на местности при передвижениях пользоваться существующими маяком и сигналами в бухте Эмма.

4. Во время пурги категорически запретить выход личного состава из помещений, особенно одиночные хождения. Отдаленные от расположения палатки, землянки и участки дороги провесить вехами.

В случае срочной необходимости высылать куда-нибудь военнослужащих, направляя последних группами не менее 5 человек, снабдив их веревкой. Направляющими и замыкающими при движении группой или колонной назначать наиболее физически выносливых.

...6. Топку печей производить только истопниками при условии жесткого контроля со стороны суточного наряда.

В период сильной пурги дежурным подразделениям быть в постоянной боевой готовности, смену наружного наряда производить через час, обеспечив все наружные посты теплой одеждой и подшлемниками.

...8. Командирам частей в своем расположении построить из снега снегозадержатели высотой до двух метров со стороны наиболее частых ветров. Дымоходные трубы в жилых помещениях нарастить высотой до метра над крышами.

Нач. штаба

ПОЛИТДОНЕСЕНИЕ

Нач. политотдела 126 ГСК

24.12.45 г.

О проведенной партийно-политической работе и политико-моральном состоянии личного состава бригады

Партийно-политическая работа в частях бригады направлена на подготовку к выборам в Верховный Совет СССР, укрепление воинской дисциплины, претворение случаев чрезвычайных происшествий и аморальных явлений.

Проведены лекции и беседы:

1. Конституция СССР — самая демократическая Конституция в мире.
2. Могущество Советского Союза.
3. Суровые климатические условия Чукотки.
4. Быт и нравы чукчей (доклад прочитал секретарь РК ВКП(б) тов. Орехов).

День Сталинской Конституции личный состав бригады отметил соревнованием в 10-ти километровом кроссе: первенство завоевала команда 1-го горно-стрелкового батальона, показавшая время 1 час 4 минуты.

Политико-моральное состояние личного состава частей и подразделений бригады здоровое, большинство служащих, особенно пожилого возраста, среди которых много малограмотных, настроено на то, чтобы добросовестно служить на Чукотке. Об этом свидетельствуют выступления на собраниях партийного и комсомольского активов.

Кр-ец Попов, 3-й арtdивизион, член ВКП(б), сказал: “Нам приказала Родина служить на Чукотке и оберегать наши северо-восточные границы. Мы должны самоотверженно работать, укреплять и повседневно заботиться о нашей Родине. Эту задачу мы выполним с честью”.

Сержант Прокофьев, член ВКП(б), отметил: “Несмотря на послевоенные трудности в стране, здесь, на Чукотке, нам созданы такие великолепные условия, каких не видел солдат ни одной армии мира”.

Мл. л-т Хурсенко, командир взвода управления минометного дивизиона, член ВЛКСМ: “Долг каждого коммуниста, комсомольца и офицера — отдать все для укрепления мощи Красной Армии и, когда придет срок, — с честью демобилизоваться”.

Однако имеются и нездоровые высказывания, как правило от старослужащих, участвовавших в Великой Отечественной и японской войнах. Они вызваны плохими бытовыми условиями — скученностью в палатках и землянках, отсутствием света и воды, трудными климатическими условиями и неполучением почты.

Л-т Пасько, чл. ВЛКСМ, командир взвода пулвероты, в присутствии своих подчиненных жаловался: “Мы 4 года воевали, сейчас нас сюда, на край света, завезли, не спросив, хотим мы ехать или нет, заставили служить в таких скотских условиях. Хочу демобилизоваться, но даже в отпуск не отпускают”.

Ст. л-т Хасанов, чл. ВКП(б), командир взвода: “Я 4 года не видел отца и матери, а через 3 года, может быть, вообще их не увижу. Условия созданы такие, что отсюда скоро не выедешь, если до того не околеешь в палатке или не замерзнешь в пургу”.

Сержант Потапов, б/п, миндивизион: “Мы одержали победу на Западе и Востоке, но о нас никто не хочет побеспокоиться. Мы забыты всеми, гражданскому населению доставляют почту, а нам уже 3 месяца ничего нет”.

Ефрейтор Бугдев, б/п, рота автоматчиков: “Людей набили в темные палатки, как селедок в бочке, где не только лечь, но и стоять трудно. Как же в таких условиях выполнять свой долг?”

Кр-ец Мартыненко, б/п, во время обеда сказал: “Обидно становится за то, что воевали на Западном фронте 4 года, там бойцы демобилизовывались, а нам еще приходится служить”.

Кр-ец Чернокульский, чл. ВКП(б), в присутствии бойцов своего взвода заявил: “Если бы я знал, что нас повезут на Чукотку, я бы по дороге на Дальний Восток обязательно отстал”.

С личным составом, особенно с теми, кто высказывает недовольство, проводится разъяснительная работа.

Несмотря на тяжелые бытовые и жилищные условия, в крайне суровых условиях Чукотки и наступившей арктической зимы личный состав бригады полон решимости выполнить поставленную Верховным Главнокомандованием Красной Армии задачу по укреплению северо-восточных рубежей и охране морских коммуникаций Советского Союза вдоль побережья Берингова пролива.

Нач. политотдела
майор

Попов

РАСТАКАЯ СЕЛЯВИ

1. РАЗМЫШЛЕНИЯ

Годы, проведенные на Чукотке, оказались для меня, с одной стороны, вроде бы потерянными, с другой — благополучными, хотя время было трудное, для страны полуголодное, а для многих подчас жестокое.

Некоторые офицеры, не выдержав и полугода из положенных по приказу трех лет службы на Чукотке, писали рапорты, правдой и неправдой добились демобилизации, но я о таком исходе не мог и помыслить, хотя и меня к этому время от времени склоняли.

Не прошло и года после окончания войны, как мои родные, будто стоворясь, стали в письмах дружно убеждать меня уволиться из армии, чтобы получить “высокое образование и стать научным человеком”.

Как писала мне мать: “...куда-нибудь поступишь, будешь служить, женишься, заведешь детей, кое-что скопишь, купишь домик”. Я вдруг так жи-

во представил и почувствовал весь ужас и всю низость подобного будущего, что разрыдался...

Моя мать в свои сорок один год, обладая хорошим здоровьем и крепкими нервами, по-прежнему была в отличной форме: по утрам делала часовую гимнастику, работала с эспандером и скакалкой, после чего обтиралась холодной водой, а зимой — снегом, что и мне советовала делать “в зимний период” — я-то мог не только обтираться, но и купаться в снегу с октября по июнь месяцы.

Моя же родная сестрица, студентка, на материном поту и бабушкиной картошке повышавшая образовательный уровень в Московском университете, девица с весьма развитым критическим началом и склонная к язвительности, уговаривая меня демобилизоваться, в письме, полученном мною уже летом сорок шестого года на Чукотке, в конце толстым красным карандашом сделала хулиганскую, но весьма обидную приписку, нечто вроде припевки-частушки: “Как одену португею, все тупею и тупею...”

С этой недоделанной интеллигенткой после оскорбительного выпада по поводу моей офицерской судьбы я на несколько лет вообще прекратил всякие отношения.

Демобилизации я страшился необычайно... Что ждало бы меня в непонятной, пугающей гражданской жизни?.. Несколько лет полугодного студенчества, существование по карточкам с напряженной одуряющей зубрежкой, а потом?.. Жалкое штатское прозябание где-нибудь в Чухломе или Мухоморанске³ с бессмысленным высиживанием и отращиванием геморроя в каком-нибудь нелепом учреждении, неуклюжая, лишенная всякой выправки и строевого вида гражданская, толстая, постылая жена и немые, всегда хныкающие, не признающие дисциплины и порядка сугубо штатские дети...

И семейная жизнь меня, неопытного в обращении с женщинами, пугала. Я со страхом думал: для чего люди сходятся, женятся и живут вместе? Однажды в Германии я оказался невольным свидетелем семейных отношений.

Незнакомый мне офицер, наверное податый, рычал своей жене:

— Обезьяна ты рыжая! Я тебе как закатаю сейчас по рогам! Я что, наминался всю жизнь тебя хотеть?

Лежа за тонкой перегородкой, я краснел и мучился от происшедшего у соседей: поначалу были хныканье, всхлипывания, переходившие затем в крики, стоны, рыдания.

Что ждало бы меня в семейной жизни? Неужели подобное — собачиться по вечерам, как собачилась эта пара за стеной? Или неудачный семейный опыт моей матери, которая донашивала уже четвертого мужа? (Бабушка на очередное замужество своей дочери говаривала: “Если первым куском не наешься, то и вторым — подавишься”.)

Стать штрюком, шпаком, штафиркой — любая штатская жизнь казалась мне чуждой, унижительной и совершенно неприемлемой.

Страшно было даже представить: пройдет год, два, три, пройдут пять и десять лет, а я так и не получу очередного воинского звания. Страшно было подумать: другие ротные, те же Дудин, Макиенко, Кушнарев, тот же дуболом Круглов, чье имя, как правило, склонялось командованием на совещаниях, все они в недалеком будущем получают звание “капитан”, а я — никогда!.. За что?!

И не будет у меня ординарца, в пургу и в мороз преданно притаскивающего в землянку котелки с варевом, и не будет двойного должностного оклада, и не будет у меня замечательного северного пайка по приказу НКЮ № 61... да и вообще ничего не будет... За что?!

Сама мысль о возможности такой перемены, о реальности подобного слова страшила меня невероятно.

За что?.. Этот вопрос после войны возникал передо мною десятки раз и преследовал меня со времени демобилизации славного старика капитана Арнаутова, гусара до мозга костей, истинного русского офицера, которого даже представить на гражданке было невозможно.

³ Неуважительного отношения старшего лейтенанта Федотова к этим городам автор не разделяет.

За что?.. Меня, такого хорошего, славного офицера, само пребывание которого в части радовало окружающих (так, по крайней мере, я был тогда убежден), не послали в академию?.. за что меня отправили на Чукотку?.. за что я, командовавший в конце войны в Германии отдельной разведывательной ротой, имевшей свою гербовую печать и угловой штамп, назначен здесь командиром линейной роты батальона автоматчиков?.. за что я вынужден мучиться и страдать здесь, в холодной земляной норе, не видя месяцами свежих газет и ползая в сортир по канату, в то время как равные мне по должности и званию офицеры на материке, в России, не говоря уже о далекой Германии, живут в нормальных человеческих условиях, раздеваются на ночь, моются под душем, ходят в кино, в театры и музеи, гоняют на мотоциклах, танцуют на паркетных полах с девушками и красивыми женщинами, влюбляются и женятся?.. А я... за что?!

Там, на Чукотке, мы, победители двух сильнейших империалистических держав, буквально изнемогали от вполне заслуженного и по сути дела скромного желания, точнее, от естественной насущной потребности ощутить теплоту женского тела. Выполнение нелегких обязанностей воинской службы в тяжелых и суровых условиях Чукотки осложнялось нелепейшим и фактически антигосударственным обстоятельством — несмотря на таблетки, которыми нас усиленно кормил военфельдшер, лейтенант Пилогин, низменные побуждения... проклятые гормоны ни ночью, ни днем не давали нам покоя, а на складе бригады тем временем хранились десятки ящиков, набитых никому здесь не нужными и не пригодившимися японскими трофейными презервативами.

Многие офицеры, всю войну не помышлявшие о своих женах и невестах, не вспоминаявшие о них и в первые послевоенные месяцы, теперь один за другим оформляли документы, чтобы с началом навигации “воссоединиться”; некоторые посылали вызов и проездные документы просто знакомым.

Где-то далеко, за тысячи километров была Россия, необъятная послевоенная страдалица, в которой не доставало многих миллионов мужчин, миллионов мужей, Россия, полная одиноких женщин, полная вдов и нетронутых невест, мечтавших о замужестве, о семейной жизни. Но в армию я попал неполных шестнадцати лет, и во всем огромном Отечестве у меня не было знакомой девушки или женщины, которую я бы мог пригласить себе в жены на Чукотку...

Очередную попытку с кем-нибудь познакомиться я предпринял во Владивостоке. Уже темнело, когда с тремя офицерами, так же как и я ожидавшими парохода для отправки к местам дальнейшей службы, оказался у проходной Владивостокского морского порта; из ворот выезжали грузовики с контейнерами и грузами, покрытыми брезентами, выходили и входили люди, проезжали телеги, влекомые тяжеловозами. По обе стороны проходной стояли порознь женщины весьма различного внешнего вида и возраста: были среди них молодые, лет двадцати, и тридцатилетние, и лет сорока, от бедно до шикарно одетых — историческая Дунька, которая и в двадцать первом веке будет легко и щедро дарить даже рядовым возможность размагнититься. Как говаривала о таких женщинах моя бабушка: “Были бы бу-мажки, будут и такие милашки”.

Тогда, осенью сорок пятого года, во Владивостоке было великое множество одиноких женщин: после июльской — по случаю Победы — амнистии их тысячами привозили пароходами с Колымы. Решив подбить клинья к одной из стоявших на перекрестке женщин, я выбрал среди них посимпатичнее и прилично одетую и вежливо и нерешительно ее спросил:

— Вы не скажете, как пройти на Луговую?

Даже не взглянув в мою сторону, она живо и в рифму ответила:

— Я не такая, я жду трамвая!

Затем повернула голову и, увидев меня, с веселым изумлением воскликнула:

— Голубь ты мой, да ты же мною подавишься!

Это была знающая себе цену, необычайно красивая женщина, предназначенная природой и, так называемым, экстерьером старшему авиационному или морскому офицеру — командиру летного полка или даже авиадиви-

зии или командиру большого военного корабля, — но никак не Ваньке-взводному, каким я выглядел.

...В медсанбате в Фудидзяне якобы был ограблен вещевой склад, и вместо пошитых в Германии новых щегольских хромовых сапог мне при выписке выдали кирзовые, вместо новой суконной пилотки — стираную хлопчатобумажную пилотку второй категории, вместо моей, хоть и старенькой, офицерской шинели, которую я с любовью ласково называл “шельмочкой” — короткую, до колен, выгоревшую, подержанную солдатскую шинельку. Возмущенный, я подал рапорт начальнику АХЧ с требованием выдать мне новое обмундирование или хотя бы вернуть мне мою шинель. Вызвав к себе, он демонстративно разорвал мой рапорт и зло (накануне в белой горячке застрелился его заместитель, заведующий этим вещевым складом), презрительно меня ошпетил:

— Живой?! И руки, ноги целы?! Ишь ты, теперь подавай ему все новое! Шлепай отсюда, суслик, и чтоб я тебя больше не видел!

Меня называли “раздолбаем”, чаще употреблялся матерный синоним этого слова, но суслик?!

Устами этой поистине королевской женщины — она была прекрасней Аделины — глаголила истина: в жеваной короткой рыжей шинельке я действительно был похож на суслика или на сбежавшего с гауптвахты.

Я покатился от нее, как добропорядочный, воспитанный, однако позорно, конфузно описавшийся пудель. В полной темноте, стараясь не греметь железными подковками на стоптанных каблуках, сгорая от стыда и радуясь единственно тому, что рядом при этом разговоре никого не было и никто его не слышал, я в растерянности и смятении зашагал не оглядываясь. Спустя какое-то время в недоумении осмотрелся по сторонам: даже при моем отменном зрении ни на перекрестке, где она только что стояла, ни на прилегающих улицах ни ее, ни других женщин я не увидел, обнаружить я не смог и трамвайных рельсов, и проводов над мостовой, и даже проходную. Я понял, что заблудился. Добрался я к себе на Артиллерийскую сопку в батальон резервного офицерского состава только под утро. А на следующий день выяснилось, что все трое офицеров — они должны были отправиться на северные Курильские острова: Парамушир, Кунашир, Сюмусю — срочно оформили браки, как я подозревал, с женщинами с перекрестка.

Я был настоящим офицером, как тогда еще говорили, “офицером в законе”, и опуститься до того, чтобы пригласить на Чукотку или взять в жены ранее судимую, выпущенную по амнистии уголовницу — такое я даже допустить себе помыслить не мог.

* * *

Я хорошо помнил рассказ старика Арнаутова о том, как должен был жениться офицер старой армии:

— Практически младшие офицеры в возрасте до тридцати лет вообще не могли жениться. Денег едва хватало на содержание лошади, не то что семьи. Только получив эскадрон или роту, в звании ротмистра или капитана, ты мог подумать о женитьбе. Но твоего желанья было еще недостаточно. Кроме официального разрешения начальника дивизии, требовалось согласие Общества офицеров... Допустим, ты влюбился в прекраснейшую девушку. В назначенный час ты приглашал ее в офицерское собрание, где уже находились твои товарищи, штаб-офицеры, и обязательно командир полка или его заместитель. Ты представлял кандидатку в невесты полковнику, он брал ее под руку, вводил в собрание и представлял Обществу — офицерам, их женам и сестрам, если таковые были допущены. Музыка, танцы, буфет — все было невероятно культурно! Первым танцевал с твоей невестой полковник, затем танцевали с ней офицеры и ты сам... Легкие вина, легкие закуски — не жрать туда собирались между прочим — и милый, приятнейший разговор. Приглашали как бы для знакомства с офицерской кампанией, но был это по существу настоящий смотр. Оценивались не только благовоспитанность,

нравственность и принадлежность к хорошему, приличному обществу, ну и физическая, разумеется, география, как говорили у нас в кавалерии — экстерьер! Будущая офицерская жена должна быть красивее самой красивой строевой лошади, должна иметь стройные красивые ноги, выраженную линию бедра, а небольшие груди должны торчать вперед, как пулеметы.

В одна тысяча девятьсот одиннадцатом году, когда я служил в Сорок седьмом кавалергардском полку в Чернигове, был у нас эскадронный, штабс-ротмистр Фридрихс. Отличный строевой офицер, правда, из немцев в далеком прошлом, и с небольшой странностью — держался от нас несколько особняком. Жены у него не было, и держал он в кухарках хохлушку, пудов на семь или восемь, настолько безобразную, что, скажу вам без хвастовства, мой волосатый зад по сравнению с ее рожей — Снегурочка! И вот однажды поздней летней ночью, возвращаясь из собрания и хорошенько набравшись, мы проезжаем мимо домика, где он жил, и решаем сыграть ему подъем и выставить на пару бутылей — наливки и настойки у него были великолепные. Залезаем через окно в комнату, зажигаем свет и застаем его спящим в объятиях этой самой Горпыны. Мы были оскорблены смертельно. Все занятия в полку на другой день были отменены — с утра заседало офицерское собрание. Решение было единогласным: предложить штабс-ротмистру Фридрихсу немедленно покинуть полк. Прискакал командир дивизии, не желая огласки, он попытался уговорить нас замять дело. Это был вопрос чести, и приказать нам он не мог, не имел права — он мог только просить. Большинство голосов мы отклонили его предложение. Не знаю, чем бы все это кончилось, но Фридрихс — он был настоящий офицер! — сам разрядил ситуацию и в тот же вечер пустил себе пулю в лоб...

Вот как раньше женились настоящие офицеры, и никакой генерал не мог тебе помочь, если офицерское собрание отклонило претендентку.

И ты должен был всё начинать сначала...

2. ПОЛИНА КУЗОВЛЕВА

В мечтах я полностью разделял представления старого кавалериста гусара Арнаутова о том, какой должна быть будущая жена офицера. Но в моей короткой личной жизни были слишком скудные познания и потому, наверное, все в ней скосбочилось.

В Германии, в сумасшедшие послепобедные месяцы перед ожидаемой скорой демобилизацией из армии, женщины стремились скоропалительно устроить свою личную жизнь. В ходу была частушка:

*Вот и кончилась война,
Только б нам не прозевать,
По двадцатому талону
Будут женихов давать!*

И мне страстно захотелось любви.

К таинствам любви я приобщился довольно поздно, и не медсестренкой в госпитале, о которой втайне мечтал и вздыхал, не заносчивыми, манерными подругами и сослуживицами Аделины, с которыми меня настойчиво, но безуспешно знакомил Володька: в их глазах я не выглядел состоявшимся мужчиной, а только безусым юнцом, хотя уже в течение года регулярно, два раза в неделю, брился, на которого не стоило тратить время и устаивать своим расположением, когда перспективные женихи идут нарасхват. Но было ощущение того, что у меня еще “все впереди”.

К таинствам любви меня приобщила неказистая, некрасивая, толстая прачка Полина Кузовлева, вольнонаемная банно-прачечного батальона.

Меня к ней отрядил солдат моей роты Чирков, когда я попросил подыскать мне русскую женщину для стирки белья — она оказалась его землячкой. В помещении банно-прачечного батальона, заваленного горами грязного белья, обмундирования, бинтов из госпиталей и военного мыла, куда я пришел решать свои бытовые проблемы, во влажно-удушливом аду гнулись над корытами и кипящими баками полтора десятка женщин, никаких лиц

было не разобрать: все одинаково мокрые, с красными, распаренными лицами, слипшимися волосами, босые или в резиновых сапогах. Меня все обступили, узнав, к кому я пришел, визжали, хохотали, отпускали шуточки. Радуюсь, что к ним неожиданно-негаданно свалился молоденький боевой офицер, кто-то принес спирт...

Все произошло как-то само собой вне моей воли и моего сознания, деталей не помню, кроме зацепившегося в памяти момента, когда на ширинке неожиданно отлетели пуговицы.

По сути, рассмотрел я ее только под утро: она была крупная, разрянувшаяся женщина, лет тридцати, с простоватым широким, даже некрасивым бабьим лицом, с темно-серыми, будто пушистыми глазами, толстыми ногами с большими и широкими ступнями, крепкой млечной грудью и красными, распухшими и потрескавшимися от постоянной стирки руками. Я в ужасе закрыл глаза, меня прошиб пот и, как всегда в минуты напряжения, возник холодок внизу живота. Я лихорадочно соображал и никак не мог понять, где я? и что со мной? Я задышался от стеснения в груди и неприятного тошнотворного запаха прогорклого масла, как я потом установил — трофейного маргарина, которым она на ночь смазывала лицо и руки.

И тут я услышал окончательно добившее мой позор:

— С добреньким утречком! Ну вот и познакомились, а то вчера было некогда. Зовут меня Полиной, хотя все кличут Пашей.

Я не мог вымолвить ни слова. Поспешно оделся, предварительно осмотрев ширинку — пуговицы были восстановлены на месте, — и, схватив пилотку, кубарем скатился по лестнице, боясь на кого-нибудь натолкнуться.

Несколько дней я ходил, как мешком ударенный, в нервном ознобе ожидая, что подцепил какую-нибудь заразу, и боясь попасться на глаза Володке и Мишуте.

Но прошло несколько дней, и непонятная неодолимая сила, несмотря на терзающий меня стыд и испытываемое гнетущее унижение и омерзение к себе, погнала меня к Полине.

Краснея и запинаясь, я бормотал какие-то извинения, объясняя свое спешное бегство. Она усмехнулась и все поняла. Полина оказалась первой женщиной, которая меня пожелала и, как я понял спустя годы, пожалела.

Моя плоть жила отдельно от моего сознания, наши тайные встречи стали регулярными. Каждый раз, уходя от Полины, я презирал и ненавидел себя и давал себе слово, что больше ноги моей у нее не будет, но проходило несколько дней, и я, как тать, крадся ночью через сад, по дереву влезал в окно, где в полумраке комнаты она меня уже ждала.

Мы распивали с ней бутылку принесенного мной мозельского — она из стакана, я — из водочной рюмки, закусывали: я — компотом, она уминала банку тушенки, смачно жевала, звучно облизывая во время еды жирные пальцы. Говорить нам было не о чем, разговор не клеился, и погода я просил:

— Ну, ты давай... Иди.

Убрав со стола, она закидывала на плечо роскошную трофейную махровую простыню и уходила. А я снимал одеяло, раздевшись, залезал под простыню на жаркую пуховую перину и лежал в томительном ожидании. Спустя некоторое время в двери щелкал ключ и в полутьме появлялась она в немецком халатике с обмундированием под мышкой и простыней в руках и радостно, бодро-весело докладывала:

— К употреблению готова!

Ах, боже ж ты мой! Конечно, я понимал, что это не ее слова, не ее выражение. Эту фразу, как я потом выяснил, она переняла от своей непосредственной начальницы, разбитной сорокалетней бабенки, старой стервы Глаголевой. И еще многоопытная старшина наставляла Полину и других своих подчиненных, что “женщина должна быть активной и в постели, и в жизни”.

На практике выполняя указания по сексуальной активности, она сбрасывала халатик, нисколько не стыдясь своей наготы, и, покручивая бедра, медленно подходила к кровати, а я с жадностью и удивлением поглядывал на нее и замирал.

...Впоследствии, став опытнее и взрослее, мне всегда вспоминалась активность Полины только с улыбкой... Грех мой тяжкий, но Полинины ляжки я не забуду никогда.

Самым тяжелым было расставание, наступала тягостная минута: в полутьме я одевался, начинал топтаться на месте и, взяв в руки пилотку, мялся, не зная что сказать. Я чувствовал себя весьма неловко, на душе было скверно, думая при этом:

— Гадко, как гадко! Зачем все это? Ведь я ее не люблю... Все, что у меня с ней происходит, как-то нехорошо... Без черемухи... Не по-советски...

Мне было нестерпимо стыдно, я себя презирал, и даже к ней, доброй, искренней, пусть смешной, иногда нелепой, малокультурной, но работающей женщине, появлялось отвращение, чего она никак не заслуживала.

Свои хождения к Полине я тщательно скрывал от всех, даже от Володьки, это стало моей страшной тайной. Уходил я от нее до рассвета, еще затемно. Чтобы избежать случайной встречи с кем-нибудь из знакомых или ночью не натолкнуться на кого-нибудь из дивизии, я, вместо того, чтобы выйти в коридор и спуститься по лестнице, выпрыгивал из окна второго этажа и пробирался через темный сад задами. Однако не один я уходил таким образом через окно. Однажды, уже стоя на подоконнике, я услышал рядом насмешливое:

— Привет пехоте!

Слегка повернув голову влево, я увидел стоявшего на соседнем окне молоденького капитана летчика в щегольских галифе с голубым кантом и даже разглядел за его спиной высунувшееся заспанное женское лицо.

Капитан давился от смеха.

— Привет! — мрачно сплюнул я, хотя видел его впервые.

— Прощай, Родина! Иду на таран, — трагическим шепотом произнес он. Мы прыгнули почти одновременно и, не обменявшись больше и словом, разошлись в разные стороны, я даже не обернулся.

Ночные встречи с Полиной затягивали, я не знал, что предпринять и как поступить; то, что для меня оказалось случайностью, ей же начинало казаться судьбой.

Все вышло гораздо проще, чем я ожидал, разрешилось с неожиданной быстротой и легкостью, даже незначительностью.

Спустя месяц после нашего сближения, выпив больше обычного, Полина своим неторопливым, но неожиданно уверенным голосом сказала мне:

— Хоть и ходишь ты ко мне, Вася, а стыдишься меня и не любишь, водка нас повенчала. Ну, чего ты ко мне ходишь? Чего? Тебе дурную кровь согнать хочется, а мне свою жизнь устраивать надо. По-сурьезному! Все равно ты на мне не женишься. Так что ты решай, Вася. Если по-сурьезному, давай регистрируемся, а если нет — то больше не приходи! — и заплакала.

Грубо она сказала, не только некрасиво, но и оскорбительно для моего офицерского достоинства, и по ее голосу я понял, что это не минутная блажь, а продуманное решение.

Я, помнится, не расстроился, я понимал, что она недостойна меня и что мне действительно не следует больше сюда приходить, не испытывая не то что любви, а даже нежности и человеческой привязанности.

Не зная, что предпринять в эту минуту, я стоял посреди комнаты, топтался на месте, переступая с ноги на ногу, как медведь, и нервно теребил пилотку. Не зная, как поступить, опустив голову, не глядя ей в лицо, неуверенно, примиряюще пробормотал:

— Ну зачем так, Полина, зачем?

Она молчала, и я от неожиданности происшедшего, забыв про окно, впервые вышел через коридор.

Отчего я тотчас и даже с каким-то облегчением ушел от нее, даже не обняв на прощание? Может быть, от стыда и оттого, что... она сняла с меня груз ответственности за принятие решения.

Вскоре Володька, я и Мишута в спешном порядке отправились на Дальний Восток. Перед отбытием я трусливо не зашел к Полине и не попрощался. Я думал, что навсегда избавился от своего личного позора, как я тогда определял мои с ней отношения.

...Чем я обогатил ее, что дал — не знаю, от нее же я узнал и мне запомнилось навсегда, что вши бывают от тоски, а клопы — от соседей...

3. ПРОКЛЯТЫЕ ГОРМОНЫ. ПИСЬМО В ГЕРМАНИЮ

Там, на Чукотке, в долгие тягостные месяцы полярной зимы я многожды, как далекий сон, как сказку — да было ли все это?! — вспоминал те славные месяцы, то замечательное времечко, ту великолепную, сытую, обустроенную жизнь в далекой, чужеземной Германии; Володьку и Мишуту, Арнаутова и Асташыча, мальышку Габи; ящики с компотами, свой двухкомнатный “люкс” с приспособлением телесного цвета, да чего скрывать... Полину Кузовлеву.

Там, на Чукотке, где на расстоянии ста километров не было ни одной женщины, кроме редких жен офицеров, мне стала постоянно сниться ее лохматая рыжая подмышка, и я мучительно пересиливал ночные спазмы, вспоминая пережитые минуты восторга, ее тело, толстые ляжки, и так хотелось отогреться на ее горячей пылающей груди. В землянке-норе, свернувшись в своем логове для сна клубочком, как эмбрион, дрожа от лютого, вселенского холода и накатившей до зубовного скрежета тоски, я ощущал себя абсолютно одиноким во всем мире. Закрыв глаза, я пытался представить, что сказали бы о Полине и моих с ней отношениях близкие мне офицеры.

Старик Арнаутов, как всегда, смотрел бы в корень:

— Щенок впервые в жизни понохал живую самку и вообразил, что это единственная и неповторимая женщина. Нам не до горячего, лишь бы ноги раскорячила. Понохает еще десяток и поймет, что это — всего-навсего физиология. А женщина в жизни может быть только одна!

— Знаешь, Компот, это даже не телка, а корова, — брезгливо бы заметил Володька. — Рядовому или ефрейтору с голодухи такое еще простительно. Но ты-то, офицер!

— Не надо, братцы, усложнять, — наверняка примиряюще сказал бы Кока-Профурсет, известный сердцеед. — Ну и что, что с такой рожей ей бы сидеть под рогожей. С голодухи и такая сгодится: было бы нутро не овечье, а человеческое. Что ему на ней, на параде ездить, что ли?

Володька меня любил и не стал бы на меня кричать, увидев Полину, а постарался бы обосновать все теоретически. Он наверняка сказал бы:

— Офицерскому корпусу суждена руководящая роль в культурной жизни общества. Представь свое будущее. Ты полковник Генерального штаба или даже генерал. Проводится посещение консерватории или, допустим, Большого театра. Или, может, это большой дипломатический прием. Все офицеры и генералы с настоящими женами, достойными, которых не стыдно показать и представить любому послу или даже маршалу. С женами, на которых штатские смотрят с завистью и пускают слюну. И вдруг появляешься ты с этой деревенской коровой, извини за дружескую прямоту, с этой Матреной со свинофермы.

— Она не Матрена, а Полина! — мысленно протестовал я.

— Пелагея! — вдруг свирепел в моем воображении Володька и, багровея, кричал: — Если быть точным, Пелагея! И не смей врать — ты офицер! Презираю! Не ее, а тебя! Потрудись сегодня же сделать выбор: или мы, твои товарищи, или она! Если хочешь знать, мужик скроен очень примитивно и однозначно: хочется или не хочется, а женщины делятся на два типа — которые сразу и которые не сразу. Ты же выдаешь третий вариант — непонятный ни для себя, ни для друзей. Погубят тебя женщины...

...Володька был неправ, вопреки его предсказаниям меня бросила на ржавые гвозди не женщина, а жизнь — бросила нелепо, бессмысленно и жестоко. За что?! Я и сейчас, спустя десятилетия, не могу этого понять.

Там, на Чукотке, на расстоянии в пятнадцать тысяч километров образ Полины в моем сознании со временем значительно трансформировался.

Спустя полгода она стала казаться мне совсем иной и уже рисовалась несравненно более стройной, более интеллектуальной и образованной. Спустя

же год после отъезда из Германии она уже представлялась мне просто грациозной, прекрасной, легкой, таинственной и... недоступной.

Да что в конце концов?! Даже медведей дрессируют и учат плясать! Неужели же я не смогу сделать из нее достойную офицерскую жену?..

В дикой феерической тоске, изнемогая длинными полярными ночами от гормональной пульсации, не находившей выхода, я решил написать ей в Германию.

Всю зиму и весну в ожидании начала навигации и первого парохода я писал и переписывал письмо, покаянное, молящее... Мол, так и так, был, увы, неправ, заблуждался, ошибался, в чем теперь жестоко раскаиваюсь, несомненно любил ее и люблю, и женюсь обязательно, и еще что-то скулил глупое, жалкое и просящее — что именно, сейчас уже не помню.

Содержалась в моем послании кроме лирики, эмоций и сугубо житейская практическая информация: что получаю я здесь, на Чукотке, северный обильный паек, примерно вдвое больший, чем в Германии, двойной должностной оклад, не считая денег за звание и надбавку за выслугу лет, что год службы здесь засчитывается за два, отчего уже к осени я должен получить звание “капитан”; сообщал я также Полине, что, если она придет ко мне, то как жена офицера тоже будет получать бесплатно этот замечательный северный паек, а именно: хлеба из ржаной или обойной муки 900 гр., крупы разной — 140, мяса — 200, рыбы — 150, жиров — 50, сала — 40, яичного порошка — 11, сухого молока — 15, сахара — 50, соли — 30, рыбных консервов — 100, печенья — 40 граммов в сутки и так далее.

У писаря строевой части я достал несколько листов трофейной веленовой бумаги и уже в мае переписал письмо начисто, старательно и аккуратно.

В последний момент я обнаружил, что забыл кое-что дописать: помня, что Полина любила выпить, я ей клятвенно пообещал отдавать полностью получаемые ежедневно к обеду в качестве водочного пайка 42 грамма спирта.

Помню, что в постскриптуме после заключительных заверений в любви и крепких поцелуев — “ты меня лю, ты меня хо?”, — я еще решил добавить к перечню пайка 30 граммов макарон и 35 граммов подболточной муки⁴. Сообщал, что вслед за письмом постараюсь оформить вызов и проездные документы, чтобы она уже как “жена старшего лейтенанта Федотова В. П.” могла ко мне приехать на Чукотку.

Еще перед Новым годом я при случае командиру бригады расписал трогательнейшую историю: в Германии осталась моя невеста (то есть безусловно единственная), вольнонаемная воинской части (что для него, приученного к бдительности, означало — проверенная), к тому же — участница Отечественной войны (что у него, бывалого фронтовика, воевавшего с Германией и Японией, не могло не вызывать уважения). Мол, уезжая спешно из Германии (что было истинной правдой), я не успел оформить с ней брак (и мысли такой не имел!)... Сейчас же страдаю безмерно и она там сохнет и мучается, самое же ужасное, что она... беременна и скоро должна родить...

Собственно, начиная разговор с полковником, я и представить себе не мог, куда заведет меня безответственное воображение и что буквально через минуту возникнет ребенок, но уж как-то так получилось, что меня вдруг понесло... понесло, остановиться я уже не мог, не держали тормоза, причем, когда я упомянул о беременности, голос у меня от полноты чувств задрожал, комок встал в горле, на глазах проступили слезы, и во мне вдруг пробудились огромные отцовские чувства. В детстве со мной такое случилось не раз: на меня будто что-то накатывало, я вдруг на ровном месте начинал сочинять, а потом, чтобы поверили, на ходу добавлял всякие подробности, в которые начинал верить сам, взрослые все понимали и только улыбались на мое безобидное вранье.

В разговоре с полковником ложь была перемешана с правдой. Я несомненно спекулировал на добром, отеческом отношении ко мне полковника,

⁴ Неверно и неточно. В примечании к приказу НКО СССР № 61 от 15 сентября 1945 года в пункте 1 специально оговаривалось, что “из 35 граммов подболточной муки 15 граммов выделяется на приготовление жидких питьевых дрожжей с целью предотвращения авитаминоза”. Рыбные консервы и печенье выдавались по этому приказу только офицерам, а их женам не были положены.

но, как офицер, я был на хорошем счету, по службе до этого никогда и никого не обманывал и надеялся, что он мне поверит.

Меж тем из Германии я убыл седьмого июля прошлого года и, следовательно, беременность у моей “невесты” длилась по крайней мере... одиннадцать месяцев. Я сообразил, в какое дерьмо я чуть было не попал, но командир моим душераздирающим рассказам поверил.

— Напиши рапорт, — приказал он.

Более того, он сказал мне, что летом в расположении полка для семейных офицеров будет построено несколько дощато-засыпных домиков и что в одном из этих домиков моей молодой семье, как имеющей грудного ребенка, будет выделена комнатка.

И я написал, а он без свидетельства или справки о браке, игнорируя соответствующее приказание, на свой страх и риск, без каких-либо колебаний, начертал на рапорте резолюцию: “Нач. штаба. Оформить”.

Только получив на руки подписанное должностными лицами, с печатями и штампами, разрешение, я незамедлительно оформил вызов и проездные документы “жене старшего лейтенанта Федотова В. П. — Кузовлевой Полине Кузьминичне с ребенком” и отправил их вслед за письмом.

...Письмо мое вернулось месяцев через семь, когда уже заканчивалась навигация, с пометкой на конверте: “Выбыла по демобилизации”.

(Продолжение следует)